

УДК 340

***ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА ПО СОБОРНОМУ
УЛОЖЕНИЮ 1649 ГОДА: СОСТАВЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ***

Упоров И.В.

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

Краснодар, Россия

Аннотация: Анализируются особенности регулирования уголовной ответственности за совершение государственных преступлений в Соборном уложении 1649 г. Отмечается, что законодатель впервые выделил составы таких преступлений в отдельный блок (Глава II Уложения), в числе которых «злое дело», «измена», «сдача города», «зажжение города» и др.; если использовать современную терминологию, то речь шла о покушении на государя, измене Родине, фальшивомонетничестве, недонесение о готовящемся преступлении. Наказание за совершение преступлений против государств было предельно жестким - смертная казнь, как правило, квалифицированная. Такой подход к регулированию данного вида общественно опасных деяний российский законодатель использовал и в дальнейшем.

Ключевые слова: Соборное уложение, государственные преступления, смертная казнь, государь, измена, закон, ответственность.

***CRIMES AGAINST THE STATE OF COLLEGE
REGULATION 1649: COMPOSITION AND LIABILITY***

Uporov I.V.

Doctor of History, Candidate of Law, Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krasnodar, Russia

Resume: The article analyzes the features of the regulation of criminal liability for committing state crimes in the Cathedral Code of 1649. It is noted that the legislator for the first time singled out the elements of such crimes in a separate block (Chapter II of the Code), including "evil deed", "treason", "Surrender of the city", "ignition of the city", etc.; to use modern terminology, it was about an attempt on the life of the sovereign, treason, counterfeiting, failure to report an impending crime. The punishment for committing crimes against states was extremely harsh - the death penalty, as a rule, was qualified. The Russian legislator used this approach to regulating this type of socially dangerous acts in the future.

Key words: Cathedral Code, state crimes, death penalty, sovereign, treason, law, responsibility.

В истории российского законодательства Соборное уложение 1649 г. [1] занимает особое место, будучи отправным нормативно-правовым актом, с которого начинается системное правовое регулирование различных сфер общественных отношений, и который по многим из них действовал более двухсот лет. Не является исключением и регулирование юридической ответственности за совершение преступлений против государства. Ранее, в Древнерусском государстве, такого рода вопросы лишь обозначались [2, с. 329], что можно объяснить прежде всего тем обстоятельством, что сама русская государственность лишь еще только формировалась и постепенно укреплялась. В Псковской судной грамоте (1397 г.) [3] в ст. 7 уже указывается «переветник» как прообраз будущего изменника Родине, и наказание ему было самое жесткое – «живота не дати», то есть смертная казнь.

С образованием Московского государства политические преступления выделяются более четко, но системности пока нет. Так, в Судебнике 1497 г. [4] в ст. 9 законодатель выделяет «государского убойцу» (убийцу государева человека), «коромолника» (человек, совершивший некое деяние во вред государству, например, передача врагу секретных сведений, измена, мятеж и др.), «зажигалника» (поджигателя города в интересах неприятеля), участь которых

предусматривалась та же самая – смертная казнь. В Судебнике 1550 г. в ст. 61 говорится еще о «подымщике», «градском здравце», «подметчике», которые в большинстве комментариев российских историков также считаются государственными преступниками, но, заметим, четкости все же нет, равно как нет и в выделении государственных преступлений в отдельный блок уголовно-правовых норм.

В Соборном уложении 1649 г. с точки зрения юридической техники ситуация меняется кардинальным образом, здесь в Главе II («О государьской чести, и как его государское здоровье обрегать») сформулированы составы преступлений против государства и указываются соответствующие санкции за их совершение. В литературе Н.П. Шалфеев справедливо отмечает, что Глава II Уложения представляет собой первый в истории российского права «кодекс», регулирующий систему государственных преступлений [5, с. 28]. И вплоть до Артикулов воинских 1715 г. данная уложенная глава являлась основным законодательным актом о политических преступлениях [6, с. 12].

В первой статье Главы II речь идет о преступном замысле совершить покушение на государя: «Будет кто каким умышлением учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышленье кто известит, и по тому извету про то его злое умышленье сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслил, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию» [1]. По сравнению с современными уголовно-правовыми нормами указанные формулировки выглядят, конечно, несколько примитивно, однако не забудем, что это, как отмечалось, был первый крупнейший системный закон в истории российского права, и, самое главное, неказистость формулировок (с сегодняшней точки зрения) не отменяет достаточной их содержательности (практически как и сейчас).

Другое дело, что ряд терминов имеет неоднозначное толкование, учитывая особенности развития русского языка. Так, одни авторы считают, что речь идет именно об умысле против жизни и здоровья государя (например, В.И. Сергеевич [7, с. 288]), другие полагают, что законодатель имел в виду некие

приготовительные действия (например, Г.Г. Тельберг [8, с. 62]). При этом законодатель не использует термина «покушение», нет толкования и термина «злое дело». Здесь мы солидарны с пониманием «злого дела» как непристойного, оскорбительного отзыва (мнения) о государе, что объяснялось сакрализацией царской власти [9, с. 251], то есть, плохо о государе даже и помыслить было нельзя, имея в виду высказанное слово, а значит, действие все же было (высказывание таких слов). Как писал Г.О. Котошихин, «за царское бесчестье, кто говорит про государя за очи бесчестья или иные какие поносные слова, бив кнутом, вырезают язык» [10, с. 116]. А Уложение предусматривает смертную казнь – очевидно, в практике имело место некоторое смягчение наказания.

В ст. 2-4 Главы II Соборного диспозиции норм (то есть объективные стороны преступных деяний) перекликаются с отмеченной выше ст. 7 Псковской судной грамоты и ст. 9 и 61 Судебников 1497 и 1550 гг. и более подробно описывают соответствующие деяния, при этом уже используется привычный нам термин «измена», например, в ст. 3 указывается: «А будет кто царского величества недругу город здаст изменою, или кто царского величества в города примет из и(ы)ных государств зарубежных людей для измены же, а сыщется про то допряма, и таких изменников казнити смертию же» [1].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что субъектом преступного деяния при измене «державе царского величества» мог быть любой человек (законодатель тогда не ограничивал субъектность возрастом, дееспособностью и другими критериями, хотя в правоприменительной практике они, очевидно, имели место). Но при этом выделяется особый субъект – «тот, кто на государеве службе в полках», и если этот служивый «учнет изменою ис полков переезжати в неприятельския полки, и в неприятельских полках сказывати про вести и про государевых ратных людей» [1], то он, конечно же, подлежал смертной казни, но не простой, а квалифицированной – его, уже мертвого, следовало повесить «напротив неприятельских полков», а все поместья, вотчины и «животы» передать в казну. Данная норма содержится не в Главе II Уложения,

а в ст. 20 Главы VII. Такой подход законодателя можно объяснить, очевидно, еще недостаточно развитой юридической техникой.

Квалифицированная смертная казнь полагалась также за деяние, предусмотренное в ст. 4 Главы II – «кто умышлением и изменою город зазжжет, или дворы», того следовало «зжечь без всякого милосердия». Что касается сдачи города неприятелю, то, например, в Литовском Статуте имелась норма, согласно которой виновный мог рассчитывать на смягчение ответственности при условии «нестерпимого голода» в городе в результате его осады, однако Соборное уложение подобно го смягчающего наказания не знает. В ст. 5 Главы II законодатель особо подчеркивает, что «поместья и вотчины и животы изменничьи взяти на государя» (как и в описанном выше случае со служивым), тог есть конфискация имущества для изменников являлась обязательной.

В ст. 6-10 Главы II Соборного уложения определяется ответственность близких и родственников (далее – родственники) государственных преступников. Основной подход здесь состоял в том, «ведали» или нет родственники (прежде всего жены и дети, а также отец, мать и вообще «род его») об измене мужа (сына, отца, брата и т.д.). Если ведали, то - смертная казнь; если не ведали, то ответственности не подлежали, и, более того, им полагался «прожиток» из имущества виновного в том объеме, который укажет государь. Родственники виновного не лишались также своих «поместий, вотчин и животов», если не знали об измене, а если знали, то следовала конфискация имущества.

Вместе с тем, как отмечает Г.Г. Тельберг, в действительности требование о личной и имущественной неприкосновенности родственников изменника, не причастных к измене, выполнялось далеко не всегда, соответственно дети изменника могли быть уволены со службы, они могли лишиться своих поместий. Более того, нередко непричастные к измене родственники подлежали ссылались по службе в разные, как правило, отдаленные, местности – с тем, чтобы затруднить их взаимную связь, в частности, по одному из дел об измене, несмотря подтвержденную под пыткой непричастность родственников об измене Ивашки Козлова, было «велено братьев изменника Ивашки Козлова и

мать его и сестру ... сослать на житье в Казанские города и устроить в службу» [8, с.185]. А по месту ссылки родственники изменника как правило передавались на «крепкия поруки с записью».

В ст. 11 Главы II Соборного уложения единственный раз говорится о возможности помилования изменника – «государь пожалует его, велит ему вину его отдати». Это касалось случаев, когда изменник возвращался в Московское государство. Однако помилование не распространялось на возвращение конфискованных поместий и вотчин. Как видно из статьи, речь идет о тех служивых, которые, на момент обвинения, уже находились в другом государстве и которые, вероятно, уже знали о помиловании; при этом конфискация не распространялась на имущество, которое приобреталось после возвращения в Московское государство. Очевидно, изменой могла считаться служба в воинских подразделениях другого государства без разрешения государя. В литературе приводится при мер, когда в 1686 г. два казака вернулись в Курск на свою родину, которые были на службе у польского короля во время противостояния поляков и турок. Они были задержаны сосланы за «их воровство и своевольство, что они ходили в Польшу без нашего великих государей указу, на вечное житье в Архангельск, и буде впредь такие воры в Курске объявятся, их роспрашивать, держать за крепкими караулы и Великим государям о том писать» [8, с. 186].

В ст. 12-14, 16, 17 законодатель регулирует ответственность за ложный «извет», злоупотребление правом сказывать «государево слово и дело». Наказание - битье кнутом или «как государь укажет» или следовало «учинить» в отношении виновного то, в чем он сам обвинял в извете кого-либо. Статья 15 являлась стимулирующей – если «кто изменника убьет» или, поймав, приведет к государю, то изменника следовало казнить, а тому, кто убьет или приведет изменника – «дати государево жалованье из его животов, что государь укажет».

В ст. 18-19 регулируется состав преступления в виде доносительства властям о готовящемся «скопе», «заговоре» или «ином злом умысле». Если кто-либо узнает об этом и «государю и его государевым бояром и ближним людем,

и в городех воеводам и приказным людем, про то не известит, а государю про то будет ведомо, что он про такое дело ведал, а не известил, и сыщется про то допряма, и его за то казнити смертию безо всякия пощады» [1]. Обязанность доносить об указанных и им подобных готовящихся деяниях содержалась в присяге, которую давали, в частности, губные старосты. Так, в 1650 г. в приказы были направлены памяти-инструкции, требовавшие: от каких людей «услышат какие воровские на смуту речи, и они б, соцкие и старосты и всяких чинов люди, тех людей имая, приводили к вам, бояром и в приказы и велели про такие воровские речи спрашивать, и сыскивать» [11, с. 104]. В другом примере в 1692 г. лебединский воевода Ляпунов был обвинен в сокрытии извета, поданного стрельцами на некоего Трошку Чаплыгина [12, с. 16]. Позже законодатель установил уголовную ответственность за недоносительство не только в отношении государственных преступлений, но и иных общественно опасных деяний. Так, Указом от 4 апреля 1695 г. тем, кто «про те разбои ведал, или сам был, или купил, или ведая не известил», мог быть казнен [12, с. 18].

В завершающих статьях Главы II Соборного уложения (ст. 20-22) законодатель закрепляет запрет на «самовольство, скоп и заговор» по отношению «к царьскому величеству, и на его государевых бояр и околничих и на думных и на ближних людей, и в городех и в полках на воевод, и на приказных людей» [1]. И тут же определяется ответственность - смерть безо всякия пощады». Как отмечается в литературе, появление этих норм обусловлено событиями, произошедшими в 1648 г. – тогда имели место антиправительственные протесты в Москве и ряде южные, поморские и сибирские земель, сопровождавшиеся погромами бояр, крупных купцов, дьяков, подьячих и т. д., причем не столько с целью присвоения их имущества, сколько в целях мести [11, с. 62]. Заметим, что за «коп» и «заговор» в отношении частных лиц предусматривалась лишь торговая казнь (ст. 198, 199 Главы X Соборного уложения).

В Главе III Соборного уложения содержатся нормы, направленные на обеспечение порядка на «государевом дворе», и по своему характеру ряд ученых считает их также преступлениями против государства [13, с. 178; 2, 343].

Однако, на наш взгляд, данные составы преступлений скорее следует относить к преступлениям против порядка управления. Равным образом это относится к составам преступлений, содержащихся в Глава IV Соборного уложения («О подпищеках, и которые печати подделывают»). А вот фальшивомонетничество (Глава V – «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги») традиционно относится к государственным преступлениям, поскольку затрагивает один из важнейших институтов государственности. Ответственность вполне ожидаема – смертная казнь, причем квалифицированная – «залити горло» свинцом. В литературе отмечается, что фальшивомонетничество сильно распространилось во второй половине XVII в., что связывалось с выпуском медной монеты и уменьшением веса серебряной монеты – счет фальшивомонетчиков шел на тысячи [2, с. 346]. Так как Уложение не различало основных исполнителей и пособников, то законодатель позже сделал такое разделение указом 1661 г. который заменил наказание залитием горла металлом отсечением левой руки для исполнителей и двух пальцев для пособников.

Как видно, законодатель в Соборном уложении 1649 г. привел в определенную систему составы преступлений против государства, за совершение большинства которых предусматривалась смертная казнь, чаще всего - квалифицированная. Такой подход в основных принципах был продолжен и в дальнейшем, включая расположение блока соответствующих уголовно-правовых норм (в отдельных главах) в начале нормативно-правовых актов.

Библиографический список:

1. Соборное уложение от 20.01.1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первые. № 1.
2. Владимирский-Буданов М.В. Обзор истории русского права. Пг.-- Киев., 1915. 699 с.
3. Псковская судная грамота (1397 г.) // Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. С. 331-342.

4. Судебники XV–XVI веков / Под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.: АН СССР, 1952. 620 с.
5. Шалфеев Н. П. Об Уставной книге Разбойного приказа. СПб., 1868. 76с.
6. Анисимов Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М.: Новое лит. обозр., 1999. 719 с.
7. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1889. 708 с.
8. Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М.: Моск.ун-т, 1912. 342 с.
9. Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России XVII в. М.: Наука, 2000. 298 с.
10. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. 260 с.
11. Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII в. Воронеж: ВГУ, 1975. 246 с.
12. Веретенников В.И. История тайной канцелярии Петровского времени. Харьков, 1910. 306 с.
13. Чебышев-Дмитриев А. О преступном поведении по русскому допетровскому праву // Ученые записки Казанского университета. Вып. I. Казань, 1862. 787 с.